

Щ Е Н А

О КРАСНОЯРСКОМ тюзэ я слышала много и, отправляясь в командировку, думала, что буду я в Красноярске, увижу, наконец, этот театр.

Увы. Меня ждало разочарование: на улицах города еще висели малящие, умные афиши, а спектакли уже не существовали, почти весь репертуар театра рухнул, как карточный домик.

Что же случилось?

В середине сезона из театра ушла Лариса Малеванная, ведущая актриса, на которой держался почти весь репертуар. Ушел Геннадий Опарков, очередной режиссер. Главный режиссер И. Штокбаит с начала сезона в театре фактически не работал (он был занят постановками в других театрах)...

Разумеется, от любого удара можно оправиться. И Красноярский тюз, возможно, станет (если не стал уже) снова сильным, работоспособным коллективом. Но я застала театр в пору его вынужденной беспомощности, и потому для меня все события раскрылись в свете наиболее резком. И отчетливо обозначились два причинных ряда, две стороны этой истории.

«Театр начинается с вешалки».

К. С. Станиславский.

Четыре года назад выпускники Ленинградского института театра, музыки и кинематографии уехали в Красноярск создавать новый театр.

По официальному статусу театр должен был стать тюзом. Это естественно. Во-первых, потому, что существует тенденция увеличения чи-

сла детских театров. Ведь на всю Российскую Федерацию приходится пока 26 детских театров (из них 3 — в Москве). Во-вторых, в Красноярске ребят с 1-го по 4-й класс — 39 тысяч, с 5-го по 8-й — 37 тысяч, с 9-го по 10-й — 8. Общая цифра довольно солидная. И Министерство культуры РСФСР откликнулось на настоятельные просьбы города, хотя в планы министерства и не входило открытие тюза в Красноярске в 1964 году.

Театр был создан. Молодежь, приехавшая из Ленинграда, работала с энтузиазмом и полной отдачей. Правда, сразу же возникло некое противоречие между стремлением молодых режиссеров и актеров делать «свой» молодежный театр и официальным статусом тюза.

Но речь сейчас не об этом.

Афоризм Станиславского, приведенный выше, когда-то казавшийся почти открытием, ныне стал истинной прописной. Да, театр начинается с вешалки. В теории это бесспорно, на практике же бесспорное неожиданно превращается в необязательное. Ведь чтобы была «вешалка», как минимум, должен быть театр. Не как творческая организация, а просто как здание. Иначе откуда бы взяться «вешалке»?

У Красноярского тюза здания нет. Городские власти, убеждавшие министерство, что тюз городу нужен и нужен немедленно, успокоились, как только их голосу вняли. Успокоились, не позаботившись о самом насущном — крыше.

Сейчас, как и четыре года назад, театр арендует помещение заводско-

го дома культуры. По условиям аренды предусматривается 4 эксплуатационных дня в неделю. (В первый год работы их было только 2!). Что это значит? 20 спектаклей в месяц — и только 4 из них (в воскресенье) дневные. Это у тюза-то! Репетиционных — 3 дня в неделю!

Декорации — на улице, за 9 км от театра. Цехи — тоже в арендованных помещениях, разбросаны по городу.

Поделочный цех за 11 км. Телефонная там нет. Вызвать рабочих срочно, если вдруг что-то сломалось, нельзя. Грузовика, чтобы быстро отвезти туда испортившуюся вещь, тоже нет. Телефон — один номер на весь театр. В районе — новая телефонная станция, но все упирается в 150 метров кабеля.

Хозяева здания относятся к театру как к пасынку. Временами хуже, чем к самому нелюбимому пасынку. Он им мешает, создает лишние хлопоты. Вот один из эпизодов, характеризующий взаимоотношения арендаторов и хозяев. Как-то во время школьных каникул представитель ДК запер распределительный щит. И детей, приехавших из самых дальних районов города, встретило погруженное во мрак здание. Два дневных спектакля были сорваны.

Это ЧП. Но и обычная ситуация не лучше.

Театру в доме, который должен быть его родным домом, не принадлежит ничего. Ни занавес той сцены, где играют его спектакли, ни кресла зала, ни фойе. Театр не властен установить там свои порядки, свой стиль творческой жизни, словом, все то, что «начинается с ве-

шалки». Тут ничего не поделаешь — в чужой монастырь со своим уставом не ходят, как говорит пословица.

Если бы в Красноярск приехали равнодушные люди, которым все равно где играть, люди без творческой энергии и художественного вкуса, их, возможно, такая ситуация не взволновала бы. Но стоит взглянуть на афиши красноярцев, афиши, которые вырываются из рекламных щитов, радостные, пронизанные, строгие, каждая — плод щедрой фантазии, требовательного вкуса, гордости за театр, который они представляют, уважения к городу, на улицах которого они висят, достаточно заглянуть в два крошечных уголка фойе, где красноярцы разместили свои выставки, чтобы понять, как мучительно такому театру ютиться в чужом углу, не иметь помещения, где он был бы хозяином, где мог бы начать именно с вешалки, на все положить свою печать, сразу же окружить зрителя подлинно творческой атмосферой.

Красноярцы ждали этой возможности, репетировали по ночам, первое время почти все, вплоть до бутяфорки, делали сами, терпели отсутствие жилья (рассказывают, что на первых порах ночевать приходилось и на вокзале), затрачивали огромное количество энергии на преодоление пустяковых, будто бы трудностей. Напри-

мер, несколько месяцев ушло только на то, чтобы добиться трамвайной остановки вблизи театра. Каждому было ясно, что нелепо заставлять детей идти пешком лишние полкилометра, да еще в условиях холодной сибирской зимы. Но по инструкциям не хватало каких-то метров между остановками. И волокита тянулась, тянулась...

Красноярский случай — не исключение. Правда, в Красноярске все проявилось наиболее резко: другие, недавно созданные в РСФСР тюзы худо-бедно пристроены под какие-то крыши. И все-таки именно худо-бедно.

Парадокс, но при размахе нашего культурного строительства, с одной стороны, при огромном значении, которое придается воспитанию подрастающего поколения, с другой, специально построенные здания тюзов единичны. Города упорно добиваются разрешения и охотно возводят оперные театры, драматические, театры музыкальной комедии, здания филармоний, цирк, а детский театр робко ждет своей очереди. Как-то уж так само собой установилось, что его очередь последняя. Такое положение не только в Российской Федерации — эстонский тюз, интереснейший коллектив республики, ютится под чужой, для театра совсем не уютной крышей, и